

Пассивное большинство в российской политике ВСЕГДА ЛИ ЧИСЛЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО ОЗНАЧАЕТ КАЧЕСТВЕННОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Аналитическая записка № 212
ПОНАРС Евразия
Сентябрь 2012

Вячеслав Морозов
Тартуский университет

В своих комментариях по поводу московских событий 6 мая 2012 года, когда оппозиционные протесты впервые вылились в масштабные столкновения с полицией, пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков назвал участников протестов «маргинальными личностями». Он отметил, что сторонники президента Владимира Путина имеют очевидное численное преимущество над оппозицией. С такой оценкой согласны многие россияне, лояльные нынешнему режиму – как представители властей, так и обычные граждане. На первый взгляд она подтверждается и данными опросов общественного мнения. Они показывают, что Путина поддерживают более 60 процентов жителей России, тогда как оппозиционные митинги одобряет примерно четверть избирателей, и менее десяти процентов готовы сами принять участие в уличных акциях.

Как и следовало ожидать, эти цифры не вызывают восторга у активистов оппозиции. Одно из возражений с их стороны состоит в том, что опросам нельзя доверять, потому что их результаты оказываются подозрительно схожими с итогами выборов. Поскольку на выборах имели место фальсификации, такое совпадение не может не означать, что данные опросов тоже подтасовываются. Громче всех о своей озабоченности по этому поводу заявил в апреле 2012 года президент фонда «ИНДЕМ» Георгий Сатаров, заявивший, что «электоральная социология используется у нас властью как непотребная девка, прикрывающая срам их фальсификаций».

В этой аналитической записке я попытаюсь показать, что эти взаимные обвинения основаны на ряде ошибочных представлений. Прежде всего, они не принимают в расчет важнейшее различие между политическим активизмом (в том числе уличными акциями) и голосованием на выборах. Уличная политика – всегда удел меньшинства, но ее последствия иногда бывают радикальными и даже революционными. Федеральные выборы, напротив, обычно мобилизуют большинство взрослого населения, но редко приводят к далеко идущим изменениям. Недооценка этих различий порождает разногласия и конспирологические «теории», искажающие наше понимание современной российской политической реальности.

Пассивное большинство и поддержка режима

В период до декабря 2011 года оппозиционное социальное пространство в России было маргинальным и фрагментированным. Неожиданная массовая мобилизация противников режима после парламентских выборов привела к резкому расширению и консолидации политизированных социальных сетей. Развитие интернет-сообществ получило резкий толчок, когда многие из сетевых активистов приняли участие в митингах и демонстрациях, получив тем самым шанс пообщаться с единомышленниками лицом к лицу. Как я подчеркивал в моей предыдущей аналитической записке, качественное изменение социальной среды, в которой действовали сторонники оппозиции, позволило им почувствовать гораздо более существенную поддержку со стороны собственного окружения – или, выражаясь специальным языком, резко возрос уровень их онтологической безопасности.* Люди, которые раньше, возможно, считали себя незначительным меньшинством среди своих сограждан, единодушно поддерживающих Путина, теперь ощутили себя частью легитимного политического движения. Более того, они заявляли даже, что это движение по-настоящему представляло российский народ перед лицом коррумпированного государства, захваченного «партией жуликов и воров» (как они стали называть правящую партию «Единая Россия»).

Вообще говоря, притязания на роль представителей российского народа со стороны оппозиционных активистов ничуть не менее легитимны, чем со стороны властей. Рассуждая теоретически, поскольку любое политическое сообщество внутри себя бесконечно многообразно, все подобные притязания имеют равный статус до того, как будут проверены политической практикой. Вопрос о том, кто будет править от имени народа, решается лишь в ходе политической борьбы. С эмпирической точки зрения также очевидно, что общее число сторонников оппозиции позволяет говорить о ней как о влиятельной политической силе, которая, возможно, составляет большинство в Москве и Санкт-Петербурге, или по меньшей мере в отдельных районах обоих крупнейших городов. Это число было бы еще большим, если бы российские средства массовой информации были свободны, а в отношении оппозиционных политических партий и движений не существовало бы дискриминации. Кроме того, помимо голосов, действительно поданных за «Единую Россию» на парламентских выборах и за Путина на президентских, итоговые протоколы выборов также отражают результаты откровенных фальсификаций, существенным образом повлиявших на результат.

В то же время активистам оппозиции свойственно недооценивать степень поддержки «партии власти» и лично Путина со стороны электората. В каком-то смысле такая искаженная картина естественна и даже неизбежна. Она появляется под действием ряда социальных и психологических факторов: так, люди обычно получают информацию из источников, позиция которых близка к их собственной, и обсуждают политику с теми из своих сограждан, кто придерживается схожих взглядов. Территориальные различия в относительном преобладании оппозиционных или проправительственных взглядов также увеличивают шансы среднестатистического россиянина встретить поддержку своих политических убеждений со стороны непосредственного окружения. Любой из нас, кто принял бы в качестве социологической

* Вячеслав Морозов. О шакалах и хомячках: разделительные линии в российской политике и перспективы демократизации // ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 193. Май 2012. (http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm193_russ_morozov_may2012.pdf)

выборки свой собственный круг общения, получил бы результат, сильно искаженный в ущерб точкам зрения, отличным от своей собственной.

Именно такой «избыток» онтологической безопасности, который был характерен для многих оппозиционеров в период всплеска политической активности в конце 2011 – первой половине 2012 года, заставил их смотреть на результаты опросов с удивлением и недоверием. Существуют, однако, и другие факторы, объясняющие, почему социологи не способны с достаточной точностью установить факт фальсификации выборов. Во-первых, опросы и выборы отражают взгляды двух различных групп: соответственно, всего взрослого населения и тех, кто пришел на избирательные участки. Первая группа включает граждан, отказавшихся голосовать – либо по принципиальным соображениям, либо вследствие отсутствия мотивации.

Во-вторых, согласно исследованиям, проведенным Левада-Центром, электоральное поведение значительной части (до 50%) российских избирателей определяется как инерционно-конформистское или привычно-покорное. Их проправительственные убеждения не столь уж тверды, однако они голосуют так, как велит начальство или подконтрольные государству телеканалы.

Наконец, как указывал директор Левада-Центра Лев Гудков в своем ответе Сатарову, большинство опросов базируются на выборках, которые в силу естественных причин слегка перекошены в пользу средних слоев. Группы, для которых менее характерна лояльность к существующему режиму (наиболее активные граждане, которые больше работают и путешествуют; состоятельные люди, которые избегают публичности; представители низов, не попадающие в разного рода переписи и регистры, которыми вынуждены пользоваться социологи) в этих выборках недопредставлены по сравнению с реальностью. Приблизительная оценка всех этих факторов, согласно Гудкову, позволяет предположить, что в результате фальсификации «партии власти» было добавлено 3,5–4 миллиона голосов, или от 4 до 6 процентов. Если эта оценка верна, это означает, что «Единая Россия» пользуется поддержкой как минимум 40 процентов избирателей, тогда как Путин был бы избран в первом туре с результатом 55 процентов, даже если бы не было откровенных подтасовок.

Понятно, что эта популярность в значительной степени основывается на технологиях промывания мозгов, используемых официальными средствами массовой информации, однако это не делает ее менее реальным фактом политической жизни современной России. Никаких свидетельств того, что дела на самом деле обстоят по-другому, попросту не существует. Образ правительства, ненавидимого подавляющим большинством населения и остающегося у власти только в результате массовых фальсификаций результатов выборов, культивируемый некоторыми представителями оппозиции, не соответствует действительности.

Активное меньшинство: цифры решают не все

Такие выводы, однако, совсем не означают, что Песков был прав, когда назвал активистов оппозиции маргинальными элементами без сколько-нибудь серьезной политической базы. Как уже отмечалось, «партия власти» зависит от поддержки со стороны пассивных избирателей, не имеющих твердых политических убеждений и голосующих неохотно, чаще всего под давлением. Если в будущем окажутся задеты их материальные интересы (например, если правительство окажется не в состоянии поддерживать стабильный уровень социального обеспечения), очень вероятно, что они как минимум откажут режиму в политической поддержке.

Для сторонников оппозиции, напротив, характерны гораздо более высокий уровень мотивации и осознанность политического выбора. Даже отказ от участия в выборах в их случае является выражением сознательного бойкота, а не лени. Многие из тех, кто не слишком регулярно ходит на демонстрации, тем не менее весьма активны в рамках своих сообществ в социальных сетях. Наиболее важный вид деятельности здесь – это распространение сведений, которые власти предпочли бы утаить, в результате чего сокрытие информации становится очень трудной, если не невозможной задачей.

Ключевой момент здесь состоит в том, что уличная политика основана на совершенно особой арифметике и никогда не становится уделом большинства населения. Когда происходит срыв нормального, институционализированного политического процесса и люди выходят на улицы, именно активное меньшинство берет судьбу страны в свои руки. На пике демонстраций против катастрофически непопулярного коммунистического режима в ГДР в 1989 году общая численность протестующих достигла 500 000. Диктатура Хосни Мубарака в Египте была свергнута демонстрантами с площади Тахрир, число которых никогда не превышало 300 000. Эти цифры действительно впечатляют, но все же это совершенно иной масштаб по сравнению с численностью взрослого населения обеих стран. В самом деле, едва ли кто-то в здравом уме мог бы ожидать, что у каждого второго взрослого гражданина будут желание и возможность оставить повседневные дела и принять участие в уличных акциях, даже если они согласны с их лозунгами. Исход дела в каждом из этих случаев решил переход пассивного большинства в стан противников режима.

Не менее впечатляющие примеры можно найти в недавней российской истории. Сопrotивление августовскому путчу в 1991 году не было массовым – на самом деле, вокруг здания российского парламента собралась, по масштабам страны, не более чем горстка людей. В ночь на 20 августа, когда путчистов еще принимали всерьез, число защитников Белого дома составило около 4 000. Позже, когда провал мятежа стал очевиден, их численность увеличилась примерно в десять раз. Баррикады строились также в Ленинграде и столицах некоторых союзных республик, но люди, возводившие их, были крошечным меньшинством по отношению к общей численности населения СССР. И тем не менее, как оказалось, именно они представляли свои народы, которые в результате в том числе и этих действий смогли обрести независимость.

Иными словами, исход политических кризисов решают не числа, а развитие общей политической ситуации. В Советском Союзе в августе 1991 года критическую роль сыграло то, что шахтеры и транспортники были готовы к забастовке, а армия не решила применить силу против мирного населения. Подобного рода обстоятельства, однако, относятся к разряду труднопредсказуемых: политические предпочтения меняются очень быстро, особенно в бурные времена. К тому же в современной России все нормальные каналы политической коммуникации заблокированы или работают с искажениями, что еще больше увеличивает шансы для власти в один прекрасный день столкнуться с неприятными неожиданностями.

Выводы и рекомендации

Содержание рекомендаций, которые можно было бы сделать на основании предложенного здесь анализа, решающим образом зависит от того, кому они адресованы. Говоря о существующем режиме, можно, вероятно, исходить из того, что его основной интерес состоит в самосохранении. Если это действительно так, то тактика властей, изображающих демократическую оппозицию кучкой маргиналов на службе у Запада,

вполне отвечает поставленным целям. Дополнением к этому служат новые репрессивные законы, которые власти поспешно провели через парламент летом 2012 года. Вместе с тем, репрессии против оппозиции не могут разрешить долгосрочных проблем, связанных с распространенностью патерналистских ожиданий: большинство россиян по-прежнему надеются, что государство напрямую будет обеспечивать им достойный уровень благосостояния. Страной, в которой распространены такие взгляды, легче управлять в периоды процветания, но благополучные времена неизбежно подходят к концу. Едва ли можно справиться с этой проблемой при условии сохранения режима, поскольку любое системное решение по необходимости предполагает демократизацию политической системы – но именно такого сценария власти стремятся избежать любой ценой.

Если, напротив, ставить демократизацию в качестве главной задачи, то прежде всего необходимо реалистично оценивать популярность режима среди широких масс, а также заниматься выработкой политической программы, которая в перспективе могла бы быть привлекательной для пассивного большинства. Нынешняя либеральная оппозиция, возможно, слишком тяготеет к правой части политического спектра, чтобы справиться с этой задачей. Неолиберальная риторика о необходимости защиты интересов предпринимателей, равно как и незамысловатый антикоммунизм не слишком привлекательны как раз для тех социальных групп (рабочих, занятых в промышленности и сельском хозяйстве), которые с наибольшей вероятностью могли бы в будущем отказаться поддерживать путинский режим. Единственная из существующих политических платформ, которая вызывает у них симпатию, – это радикальный национализм.

Наконец, недавний политический кризис привел к распространению теорий заговора, причем не только в политических, но и в академических кругах. Эти теории явно преувеличивают влияние Кремля и близких к нему политтехнологов, мешая реалистичной оценке ситуации и не добавляя ничего к нашим знаниям о современной России. Российское государство сегодня действительно сильно как никогда со времени распада СССР, но его могущество подтачивает коррупция. В частности, влияние Кремля на итоги выборов в конечном итоге все-таки ограничено, и мозги удастся промыть далеко не каждому избирателю. В итоге различные политические группы в России обладают гораздо большей политической автономией, чем это представляется большинству аналитиков. Чтобы скорректировать эти представления, необходимо обратиться не только к количественным, но и к качественным параметрам политической ситуации, и в особенности к различиям в уровне мотивации и мобилизации между проправительственными силами и оппозицией.